

ХРОНИКИ ЗОДИАКА



ДОМ ВЕЧНОСТИ

МАРА
ВУЛЬФ

18+

Время не подвластно никому.
Даже ей...

Мара Вульф
Хроники зодиака.
Дом Вечности

Серия «Young Adult. Немецкие
фэнтези-бестселлеры Мары Вульф»
Серия «Хроники зодиака», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74092867
Хроники зодиака. Дом Вечности: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-248814-6*

Аннотация

Испокон веков в галактике царил Хаос. Пока Судьба не подарила ему двух сыновей: Хроноса и Кайроса. Хронос создал время, а Кайрос должен был его охранять. Но Кайрос, завидуя брату, убедил человечество в его всемогуществе. Люди начали войны, сея ненависть, страх и зависть. Хронисты были преданы, побеждены и изгнаны в Этернити, один из тринадцати миров.

Эйвери живет в Этернити и обладает даром собирать «урожаи времени». Ее прикосновение забирает у человека потраченные впустую часы и годы. Она твердо намерена спасти свой мир, тем более что теперь у нее есть возможность обучаться на

штормовика. Эти дети Хроноса созданы чинить золотые ленты времени, что может помочь сохранить Этернити.

Главным тренером штормовиков становится Аттикус Мэверик – тот самый парень, которого она когда-то любила. Три года назад он разбил ей сердце и исчез без единого слова. И хотя чувства к нему еще живы, теперь Эйвери собирается отомстить ему и воспользоваться его положением, ведь никакая любовь не стоит спасения ее родины...

Содержание

1	12
2	24
3	37
4	48
5	60
6	71
Конец ознакомительного фрагмента.	78



Мара Вульф
Хроники зодиака.
Дом Вечности

Время не щадит никого

Посвящается Николе, лучшей подруге и самой преданной поклоннице.

Спасибо, что ты всегда рядом.

*СОЖАЛЕНИЕ – ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ПОПЫТКА
УХВАТИТЬСЯ ЗА ПРОШЛОЕ!*

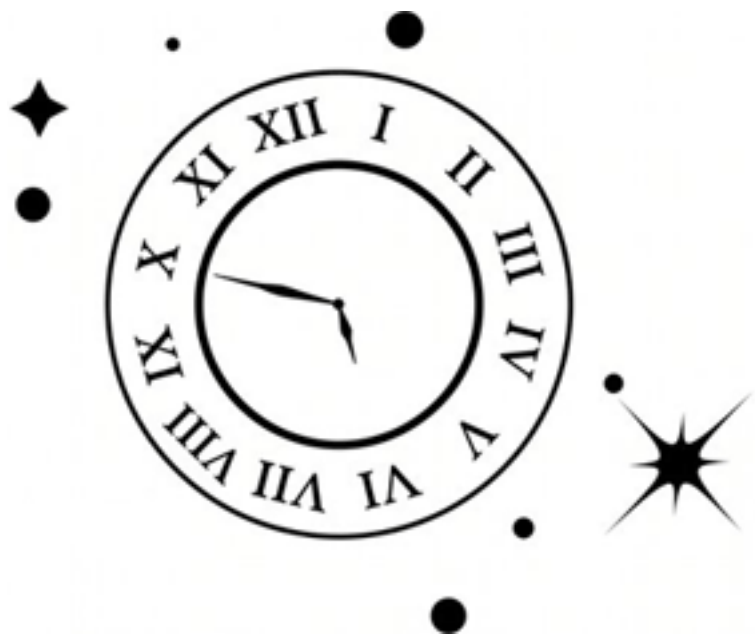
Marah Woolf
HOUSE OF ETERNITY

Copyright © 2024 Ina Körner

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Экс-
мо», 2026

© Шомникова Д., перевод на русский язык, 2025





ВВЕДЕНИЕ В НАУКУ ВРЕМЕНИ, ПРОФЕССОР НЕМЕА

**АВТОР: ЭЙБЕРИ АСЛАНИДИС,
АКАДЕМИЯ АКИНФОС, ТРЕТИЙ КУРС**

ТЕМА: КЛЮЧЕВЫЕ КОНФЛИКТЫ И СОЮЗЫ В ВОЙНАХ ЦЕНТАВРЫ

Задолго до начала времен в тринадцати мирах нашей галактики господствовал один-единственный Хаос. Пока Судьба не подарила ему двух сыновей: сначала Хроноса, а затем и Кайроса. Хронос создал время и подарил его людям.

Своего младшего брата Кайроса он попросил охранять время вместе с ним, чтобы люди не растрчивали дар попусту и научились ценить его. Ведь время – конечный ресурс.

Люди поклонялись только Хроносу, и Кайрос ему завидовал. Поэтому внушил людям, что время принадлежит только им одним. Что никто, даже бессмертный бог, не может им управлять. И так люди начали растрчивать время. Они развязывали бессмысленные войны, сеяли ненависть, страх и

зависть. Они завидовали друг другу и заболели, потому что их жизни больше не наполнял смысл. Стражи времени и наследники Хроноса – хронисты – пытались вразумить их, умоляя бережнее относиться к своему времени. Но было уже слишком поздно. Три Галактических войны прокатились по мирам. На одной стороне сражались хронисты, а на другой – кайросианцы и люди.

Непримиримые, они долго воевали друг против друга. Войны бушевали бесчисленные декады и уничтожили четыре из тринадцати миров. Наконец, чуть более двадцати декад назад хронистам удалось сохранить достаточно времени на Инфинити, укрыв его от людей и кайросианцев, чтобы в случае необходимости обеспечить выживание оставшихся миров. Однако хронисты были преданы, побеждены и изгнаны в Этернити. Не имея возможности вернуться в наши родные миры, мы сражались за этот.

Но теперь люди почти исчерпали все время и здесь, и Этернити умирает. Единственные, кто может спасти нас от гибели, – это кайросианцы, наши заклятые враги.

Примечание: Нам придется ползать перед ними на коленях в грязи и умолять их дать нам время. Однако более десяти декад назад они разорвали с нами все связи. Установить контакт сейчас невозможно. Что нам делать, если эти трусливые ублюдки бросят нас на произвол судьбы? (Нужно сформулировать это как-то поддипломатичнее. Иначе не сдам курс, и тогда придется что-то делать со своей плохой оценкой.)

Башня Времени Акинфоса

Подписи с картинки сверху вниз:

Обсерватория

гнездо

комнаты офицеров

бальный зал

библиотека

лекционные залы

общезитие

столовая, кафетерий

фойе

1



АКИНФОС, СТОЛИЦА ЗАПАДНОГО КОНТИНЕНТА ЭТЕРНИТИ

635-я ДЕКАДА

Близится полночь, и яростный дождь обрушивается на огромные стеклянные панели Башни Времени в Акинфосе – столице западного континента. Я оглядываюсь по сторонам. Ни одного офицера поблизости не видно. Даже младших лейтенантов нет. Все они сопровождают когорты штурмовиков, несших службу сегодня ночью – прямо во время шторма, который обещает оказаться нешуточным. При мысли о том, что вот-вот брошусь в его объятия, я чувствую волнующее покалывание в кончиках пальцев.

Другие лифты открываются, и из них выходят еще десять рекрутов третьего курса. Роуэн, один из двух моих лучших друзей, приближается ко мне, и я показываю большой палец, сигнализируя, что путь свободен. Он поднимает ладонь, чтобы я могла ударить по ней.

– Всегда первая, когда дело доходит до по-настоящему безбашенных поступков, да, Эйв?

– Пока я не веду себя так тупо, как ты, и меня не ловят, – отвечаю я, – все в порядке.

Рассмеявшись, Роуэн берет меня под мышку и ерошит мои фиолетовые волосы.

– Во имя Хроноса, повзрослейте уже, – бормочет Джуна. – Когда вы перестанете вести себя как первогодки?

– Хватит с нас твоего занудства, – поддразнивает ее Роуэн,

а потом обнимает нас за плечи и тянет за собой по коридору.

Джуна презрительно фыркает, задирая нос.

– Помоги мне оседлать Каллиопу, ты, болван с запретом на полеты, – тут же мстит она и получает поцелуй в висок.

– С удовольствием, дорогая.

– Фу. – Джуна вытирает кожу и с важным видом направляется к гнезду своей кобылы.

Роуэн пожимает плечами.

– Она меня обожает. – Затем он бросается вслед за ней, и она начинает отдавать ему приказы, а я тем временем подхожу к Калипсо.

Логово, где размещаются пегасы рекрутов и трех первых когорт штормовиков, занимает весь предпоследний этаж башни. Их гнезда такие же круглые, как основание здания, и расположены они по кругу в три ряда, разделенные лишь широкими проходами. Сама башня построена из непробиваемого стекла и стали и создана на века. Это одна из тринадцати башен, разбросанных по всей Этернити. Для жителей Акинфоса она столь же невидима, как и пегасы, которые день и ночь охраняют небо Этернити. По узким мостам можно попасть в соседние гнезда, где обитают животные остальных десяти когорт. А над ними – только обсерватория, чей стеклянный купол пронзает облака и открывает вид на небеса. Мы так чертовски высоко!

Под моими коричневыми кожаными ботинками что-то хрустит. Обычно отполированный до блеска мраморный пол

сейчас полностью покрыт красным пустынным песком, принесенным ветром. И это случилось до проливного дождя. Еще один верный признак сильной бури. Это будет непросто, но я не собираюсь отступить. Мне же нужно поддерживать репутацию самого безрассудного рекрута третьего курса. Не самая лучшая репутация, но она у меня хотя бы есть. К тому же я летала в штормы и похуже. По крайней мере, мне так кажется. Я незаметно встряхиваю руками, чтобы прогнать нервозность. То, что мы собираемся сделать, строго запрещено, но именно в этом и заключается вся прелесть.

Моя кобыла уже стоит рядом со своим гнездом и приветствует меня нежным взглядом топазово-голубых глаз.

– Привет, красавица, – бормочу я, пряча свою любимую коллекцию цепочек под футболку, чтобы они не мешали, а потом застегиваю молнию на красной униформе. Все остальные одеты в серые куртки штормовиков, хотя официально еще не сдали экзамены. Но, в отличие от меня, они рождены с даром штормовиков. Я же – обычная собирательница, как и большинство потомков Хроноса. Все навыки, необходимые во время шторма, я освоила сама, часами тренируясь. Однако одна вещь мне все же неподвластна: я не могу контролировать то, как быстро время утекает из меня. А в шторм оно исчезает даже быстрее. Прирожденные штормовики умеют это регулировать. Я – нет. Именно поэтому мне приходится быть особенно осторожной, чтобы не погибнуть.

Моя лучшая подруга Уиллоу уже принесла полное ведро

воды и поставила его перед Калипсо. Оседлала и подготовила огромную кобылу, хотя я не просила ее об этом. Да и в силу своего маленького роста она даже не дотягивается до шеи Калипсо. Я снова испытываю легкое угрызение совести за то, что она помогла мне, но я не знала, успею ли вовремя вернуться с дежурства из города, а пропустить гонку никак не хотела.

– Тебе не стоит сегодня лететь, Эйвери. – Она бросает полный беспокойства взгляд на стартовую площадку, где вот-вот соберутся участники гонки. – Все и так знают, насколько ты хороша. Тебе больше не нужно никому ничего доказывать.

– Дело не в этом. Мне просто весело. Тебе тоже стоит как-нибудь попробовать, – выдыхаю я. Почему она не понимает, что я *должна* участвовать? Если бы я занималась только тем, что диктует мое предназначение, я бы вскоре сошла с ума. И мы обсуждали это тысячу раз.

Она неодобрительно морщит нос, но все же сдерживается и ничего не отвечает. Уиллоу не любит спорить. Она нежна, как летний бриз. Из-за влажности ее темные волосы превратились в кудряшки. Добавить бантик – и никто не поверит, что она вот-вот закончит обучение и станет одной из самых талантливых целительниц нашего курса.

– Через восемь недель учеба закончится, – вяло говорю я. Уиллоу протягивает мой кнут, и я проверяю, достаточно ли времени в него заряжено. Моя подруга позаботилась и об

этом. Затем я пристегиваю кобуру к спине. – Кто знает, куда меня отправят и разрешат ли мне там вообще летать. Просто дай мне насладиться моментом.

Я тщательно затягиваю коричневые кожаные ремни вокруг торса и талии. Свой кнут ни в коем случае не могу потерять. Он важнее, чем ножи, пристегнутые к бедрам. Наконец, я натягиваю на руки перчатки без пальцев.

– Если умрешь, то точно летать не сможешь, – бурчит Уиллоу и вручает мне поводья.

– Так быстро я не умру. – Одним плавным движением я забираюсь на спину Калипсо, и привычное тепло ее тела сразу проникает в меня. Я осторожно ставлю ноги под ее крылья. – Этот шторм я не могу пропустить, – добавляю уже мягче. – Можешь подержать Роуэна за руку. Он там с ума сойдет, когда мы с Джуной выйдем без него.

Ее щеки покрываются румянцем, и она гладит перья Калипсо.

– Ты хотя бы смогла собрать достаточно времени?

– Я выполнила норму, – сухо отвечаю я. – И сдала время вовремя.

В ее нежных чертах проявляется беспокойство. Мои ночные вылазки постоянно заставляют ее нервничать. Мне не стоило вообще рассказывать ей об этом.

– Ты оставила достаточно для себя?

– Да-а, – раздраженно шиплю я. – Честно... ты хуже моей матери.

Она складывает руки на груди:

– Это не так уж сложно.

Она права... К счастью, она не требует доказательств, а то мои линии времени заполнены лишь наполовину.

– Просто пожелай мне удачи. – Я направляю Калипсо к стартовой площадке, где уже собрались другие рекруты. Если все пойдет по плану, скоро и я надену серую куртку штормовика. В ней мне нравится все без исключения: и цвет, и наш герб на спине, и девиз хронистов: «Время не щадит никого!» Это правда. Безжалостная и точная. Время всегда убивает. Даже тех, кто им управляет.

Никто раньше не делал того, что я задумала. Но отец не может вечно отказывать мне относительно места в когорте. Особенно учитывая, что я летаю не хуже любого другого рекрута, а может, даже лучше. Должна же быть какая-то лазейка, в конце концов, он командующий авиацией Акинфоса и, следовательно, главнокомандующий всех штормовиков, дислоцированных здесь.

Я направляюсь к Джуне. Она восседает в седле, устремив взгляд на стартовую площадку, пока я завязываю волосы в тугий пучок. На мгновение мне хочется, чтобы у меня имелось больше времени на то, чтобы морально подготовиться к гонке. Но сегодня и так было сложно собрать нужное количество времени и при этом оставить достаточно себе.

На эту ночь зарегистрировались восемь рекрутов. И теперь мы все выстраиваемся в линию.

– Покажите, на что вы способны, сучки! – приказывает Роуэн, перекрикивая шум, который создают копыта животных и шторм.

Пегасы едва ли могут дожидаться, чтобы подпрыгнуть и взмыть в небо, так же как и я. Я поворачиваюсь и поднимаю большой палец вверх. Роуэн обнимает Уиллоу, прижимая ее к себе так крепко, чтобы защитить от ветра. Бирюзовая мантия целительницы развеивается вокруг ее ног. Она складывает указательный и большой пальцы в букву Х и прикладывает к сердцу. Приветствие и благословение Хроноса. Я же показываю средний палец шторму. Роуэн ухмыляется, а Уиллоу лишь улыбается моему непотребному жесту. Никто не знает, кто из нас вернется. Но именно эти острые ощущения и гонят меня туда снова и снова, ведь еще недавно я вообще ничего не чувствовала и мне на все было плевать. Штормы спасли мне жизнь, и если однажды они потребуют ее обратно, я с радостью ее отдам. Но до этого дня еще далеко.

– Ты серьезно собралась туда лезть, Асланидис? – Огромный медно-коричневый пегас с золотой гривой и крыльями протискивается между Калипсо и Каллиопой. – Отступить совсем не стыдно. – Его тон едва ли мог звучать более снисходительно. – Отец знает, что ты здесь? Сегодня ночью будет тяжелый полет. А шрамы времени выглядят очень неприятно... – Зарин заглядывает в мое декольте, и я сопротивляюсь порыву застегнуть куртку до самого горла.

– Если так боишься, то оставайся в тепле, – вместо этого

холодно предлагаю я. Зарин Ионакис хочет спровоцировать меня, но сам в седле еле держится. – Можешь подбить гнездо Калипсо, чтобы ей было уютно, когда мы вернемся после веселья.

Он смотрит на меня, прищутив голубые глаза:

– В один прекрасный день твое наглое поведение станет твоей погибелью.

– А твоей – ужасные навыки полета.

Он стискивает зубы, а его жеребец Геракл, словно понимая, что я оскорбила его наездника, пытается укусить Калипсо за шею. Но та не позволяет себя запугать и с фырканием выпускает ему в морду горячее дыхание. Под полуночно-синей шерстью Калипсо вспыхивают звездные узоры, и жеребец Зарина отшатывается, будто получил ожог. Видимо, животное умнее своего хозяина. Неудивительно, впрочем.

– Ты никогда не станешь штормовиком. Отец тебе не позволит. Очнись, Асланидис, – раздраженно шипит он.

Его слова бьют меня по больному.

– Просто держись от меня подальше, Ионакис. Там должно хватить места для нас обоих, – киваю я на ночное небо.

Он презрительно фыркает:

– Если ты настаиваешь, то хотя бы оставь сложные участки тем, кто в них разбирается.

Последнее слово обязательно должно остаться за ним. Как же иначе?

– Мы ведь не хотим, чтобы ты поранилась или, не дай бог,

умерла. В конце концов, ты неплохо справляешься с основной работой. – В его голосе слышится все презрение, которое он испытывает к простым собирателям времени. Мы всего лишь трудолюбивые пчелки, в то время как ему разрешено выполнять поистине крутую работу. Как же я его ненавижу!

Прежде чем ситуация обострится – как это обычно бывает, когда мы сталкиваемся друг с другом, – раздается гонг. Первый удар. Пегасы затихают. Второй удар – мы прикладываем сложенные буквой Х пальцы к груди. На третий удар животные одновременно отталкиваются от земли. Мы с Калипсо на мгновение зависаем в воздухе, прежде чем она расправляет крылья. Мы недолго падаем вниз, но затем Калипсо резко взмахивает ими и устремляется в шторм, словно катапульта. Мои желудок и сердце делают сальто внутри, и я кричу. Этот момент ни с чем не сравнить – я зависима от этого ощущения. Ветер вцепляется в нас когтями, но мы держимся и сопротивляемся ему изо всех сил. Навык заключается в том, чтобы не дать себя запугать. Настоящие штормовики никого и ничего не боятся, тем более смерти.

Суть гонки проста. Каждый из нас должен починить три ленты времени и вернуться в гнездо. Тот, кто сделает это первым, становится победителем. И лучше успеть до того, как когорта усмирит шторм, и не попасться, как Роуэн в прошлый раз. Охотники и их офицеры сейчас находятся в самом эпицентре шторма. Так что, если поторопимся, они нас не заметят. Я смотрю на гигантскую воронку, бороздящую

небо. Туда допускаются только обученные офицеры. Рекрутам же лучше держаться подальше от этого чудовища.

Мы летим все выше и выше. Мерцающий свет фонарей, освещающих древний город внизу, расплывается перед глазами, и я вижу лишь очертания знакомых улиц вокруг башни, которые застроены домами из разных эпох. Только Ареопэг, возвышающийся над городом к северо-западу от Башни Времени, освещен значительно ярче остальных. На этом холме располагается правительство западного континента. Раньше по улицам можно было свободно пройти к виллам, но потом губернатор приказал обнести их стеной. Теперь охрана патрулирует там днем и ночью, защищая правительство от повстанцев, которые нападают на город все чаще, хотя до центра они пока не доходили. Жителям Неа – огромного бедного района, скрытого за плотной завесой дождя, – приходится гораздо хуже. Однако они не виноваты в жесткой политике губернатора, пытающегося сдержать растущие потоки беженцев.

Я родилась в Акинфосе двадцать три человеческих года назад. Каждое здешнее здание является свидетелем долгой истории города. Под дождем и в темноте он выглядит чарующим, и я уже не в первый раз жалею, что не видела его десять или двадцать декад назад. Говорят, тогда люди ценили свое время и не растрчивали его понапрасну.

– Черт! – Необычно сильный для такой высоты порыв ветра едва не выбрасывает меня из седла. Калипсо фырка-

ет – это ее не слишком вежливый способ укорить меня. Я крепче сжимаю искусно сплетенные поводья. Ветер треплет мою куртку, плотно облегающую тело, чтобы не дать шторму ухватиться за меня. Двое всадников впереди меня разворачиваются и летят обратно.

Я наклоняюсь к шее Калипсо:

– Ну что, покажем им, на что мы способны? Может, я всего лишь собирательница, но именно поэтому у меня нет права на ошибку.





Равномерными взмахами крыльев мы набираем нужную высоту. Я прижимаюсь к бархатной, цвета полуночного неба шерсти Калипсо и вытираю воду с лица, хотя это совершенно бессмысленно под непрекращающимся ливнем. Но мне ничего не видно. Я скорее ощущаю, чем слышу, как пегасы разрезают воздух крыльями позади и надо мной, но не оглядываюсь. Вместо этого сосредотачиваюсь на темноте перед собой, разрываемой яркими вспышками. Люди называют их молниями, потому что не знают всей правды. В отличие от нас. То, что мелькает в воздухе, дрожа и вибрируя, – это порванные золотые ленты времени. Они связывают тринадцать миров галактики Центавры. По крайней мере, так было раньше, еще до гибели четырех миров и времени, которое Хронос им даровал. Теперь в составе Центавры всего девять миров. Но это ненадолго, ведь время Этернити тоже подходит к концу. Именно поэтому ленты рвутся все чаще и чаще. Штормовики должны чинить их, подпитывая свежим временем. И пока что нам удастся, но кто знает, как долго это продлится? Стоит нам только ошибиться, и наш мир будет вырван из галактики и погибнет. Я хочу быть одной из штормовиков, кто этому помешает, потому что не позволю очередному миру кануть в Лету.

Лента мелькает справа от меня, но тут же исчезает. Ее конец неровный и распадается на бахрому, так что чинить ее будет гораздо сложнее. Я хватаю рукоять плети, торча-

щую у меня за правым плечом, и накидываю петлю на запястье, чтобы не выронить ее. Калипсо почти замирает в воздухе, равномерно взмахивая крыльями, будто ветер не властен над ней. Мир вокруг словно исчезает: и свистящий шторм, и дождь, и доносящиеся до меня голоса. Остается только цель. Все мое внимание приковано к ленте. Она скоро должна появиться снова. Я начинаю медленно считать, игнорируя стук сердца. Раз, два, три, четыре... Рукоять привычно лежит в ладони, а кожаный хлыст плети свободно свисает. Здесь главное – терпение.

Наконец, вспышка света мелькает прямо передо мной. Я вскидываю руку вверх, проворачивая кистью, и замахи-ваюсь. Золотистая лента времени пульсирует в двенадцати метрах от меня, но ближе подходить нельзя. Навык состоит в том, чтобы успеть зацепить железным наконечником плети ленту и удержать ее на месте. Но в этот раз я слишком медлю. Плеть лишь слегка задевает ленту, и та отскакивает, словно кошка, которой наступили на хвост. Черт, черт, черт! Теперь она знает, что я караулю ее, и поймать ее будет сложнее. Разумнее было бы лететь дальше и попробовать в другом месте. Если останусь тут, другие меня опередят. Я ненавижу сдаваться, но также знаю, когда пора остановиться. К тому же не стоит забывать, что мои линии времени заполнены лишь наполовину. Если задержусь здесь слишком долго, ничем хорошим это не кончится. День и без того был долгим, и усталость дает о себе знать. Чтобы выжить, нужно

выложиться на все сто.

Справа поодаль мелькает с полдюжины лент, и там работают лишь двое рекрутов – Талия и Мио. Джуна парит чуть выше меня и Зарина, который как раз чинит ленту. И, конечно, этот паршивец справляется без проблем. Пока я злюсь, ветер швыряет прядь волос мне в лицо – ощущение, будто кожу царапают лезвиями. Я сжимаю бедрами бока Калипсо, направляя ее к Талии и Мио. Мы почти добрались до них, когда из ниоткуда мне навстречу выныривает лента. Толщиной с мое запястье, быстрая, как змея. Калипсо дергается в сторону, уводя нас от опасности. А вот кобыла Талии реагирует слишком медленно. Я кричу, предупреждая их, и тут же разворачиваюсь, чтобы замахнуться плетью и помочь, но нахожусь очень далеко. Мио как раз чинит другую ленту. Я слышу его крики, тонущие в раскатах грома. Лента времени обвивается вокруг передних ног кобылы Талии, и животное издает душераздирающий вопль.

Талия выпускает плетть, которая мгновенно исчезает во тьме, в то время как ее пегас продолжает пронзительно кричать, отчаянно пытаясь освободить копыта. Но это безнадежно. Я в ужасе наблюдаю, как Талия покидает седло, вцепляется в шею своей кобылы, а затем в ее руке сверкает нож. Она наклоняется вперед, пока крылья пегаса бешено бьют воздух, и перерезает ленту. Отсеченный кусок теряет весь свой блеск и освобождает кобылу. Я выдыхаю с облегчени-

ем. Безумие! Талия заслуживает тост в свою честь. Этой ночью она определенно лучшая.

Талия почти забралась обратно в седло, когда лента времени вновь появляется на виду. Она не успевает заметить приближающуюся угрозу. Я кричу, но уже слишком поздно. лента обвилась вокруг нее и сорвала с кобылы. Всего за считанные секунды она вытягивает из Талии все жизненные силы и обращает ее тело в прах. Крики кобылы переходят в протяжный, душераздирающий рев, а лента уже готовится к очередному удару. Я устремляюсь вперед, взмахиваю плетью и ловлю ее. Другой рукой перехватываю поводья осиротевшего животного.

– Хелика, назад! – задыхаясь, кричу я. Лента ее не получит. Не заберет кобылу, которую Талия только что спасла ценой собственной жизни.

Хелика сопротивляется и бьется в упряжи, но Калипсо кусает ее за шею. Душераздирающее ржание тут же стихает, кобыла вздрагивает, и мы вместе пятимся назад. Сердце колотится у меня в груди, словно в клетке. Это не первая смерть, которую я видела своими глазами. Но от этого не легче. Позже я отдам Талии последние почести.

Над нами проносится ядовитый шипящий звук – свободный конец ленты снова рвется в нашу сторону.

– В укрытие! – командую я Хелике и напрягаю все тело, чтобы остановить ленту. Это самое опасное. Главное, не дать плети обернуться вокруг передней части ленты. Нужно оста-

вить хотя бы треть хлыста свободным, чтобы перехватить им второй конец ленты времени. Я сжимаю рукоять обеими ладонями, держась в седле только благодаря напряженным бедрам. Калипсо не двигается с места, хотя лента мчится на нас, сверкая, вибрируя и угрожая той же судьбой, что постигла Талию. И тем не менее я не шевелюсь. Жду до последнего. Лента становится все ближе и ближе. Я прицеливаюсь и резким, доведенным до автоматизма движением запястья замахваюсь плетью, так что хлыст начинает вращаться, как и предполагалось. Затем задерживаю дыхание и жду. Моя тактика срабатывает. Лента не успевает отпрянуть и путается в моей плети; из нее вытекает сияющее время, и два конца ленты вновь сливаются в единое целое. Еще одним точным движением я высвобождаю хлыст прежде, чем лента натянется и вырвет рукоять у меня из рук. Лента дрожит, переливаясь золотом в темноте, медленно отступает – натянутая, как струна.

Я выдыхаю. Победа ощущается с привкусом горечи. Я хлопаю Калипсо по шее и разворачиваюсь. Мио смотрит на меня с приоткрытым ртом, все также сидя в седле. Я подлетаю к нему:

– Мне так жаль.

Он кивает и молча вытирает лицо. Слезы смешиваются с каплями дождя. Они с Талией были близки. Так же близки, как мы с Роуэном. Даже мысль о том, что с ним могло случиться то же самое, кажется невыносимой. Еще вчера она

сидела с нами в столовой... Но плакать мы будем потом.

– Отведешь Хелику в гнездо? Позаботься о ней.

– Да, – снова кивает он, пряча плеть за спину. – Талия ее очень любила.

Мы все такие. Нет ничего хуже, чем потерять своего пегаса. Кроме разве что собственной смерти. Но если пришлось выбирать, кем жертвовать – пегасом или собой, – мы почти всегда жертвовали собой. Именно так и поступила Талия.

Не говоря ни слова, Мио разворачивает своего жеребца и летит к Хелике, которая мечется в шторме без цели.

Я же смотрю наверх, прямо туда, где мне не удалось починить оборванную ленту. Джуна машет мне и на мгновение прижимает руку к груди. Как и Роуэн, она всегда присматривается за мной, когда мы обе здесь. Я отвечаю ей тем же жестом, а потом направляю Калипсо обратно к первой ленте. Не успели мы добраться до нее, когда из ниоткуда выныривает полдюжины лент, пытаясь схватить нас. Один конец задевает мое бедро, прожигая кожу на штанах, но мне нельзя паниковать. Калипсо ловко уворачивается от лент. Я перевожу взгляд на светящиеся в темноте ленты вокруг меня и крепче сжимаю плеть. Ленты довольно тонкие – такие двигаются быстрее толстых, но с ними проще справиться. Опасность заключается лишь в том, что они атакуют группой и я могу не уследить за всеми сразу.

Калипсо требовательно жжет, и я взмахиваю рукой. Све-

тящаяся золотом плеть со свистом рассекает воздух и обвиняет одну из дергающихся лент времени. Не теряя ни секунды, я ловлю другой оборванный конец. Чистое, нерастраченное время устремляется в ленту с двух сторон, скрепляя ее. Я повторяю процедуру снова и снова. Лишь с последней лентой мне требуются две попытки, потому что силы покидают меня. Наконец, все три ленты времени соединены, и я издаю победный клич, который, несмотря на бушующий кругом шторм, вероятно, слышен даже издалека. Довольная, я убираю плеть обратно в кобуру за спиной. По венам носится адреналин. Так всегда и бывает. Страх исчезает, а я хочу только одного: починить еще одну ленту и еще. Но на сегодня я выполнила норму – даже *перевыполнила*. Теперь нужно возвращаться и надеяться, что приду первая.

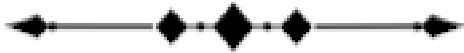
Я направляю Калипсо обратно через шторм. Усталость накрывает меня. Мне хочется есть и пить, и только из-за слабости я не замечаю ленту, которая несется на нас сзади. К счастью, чутье Калипсо вдвое острее моего. Прежде чем лента успеет обхватить меня, кобыла совершает мощный прыжок вперед, едва ли не выбрасывая меня из седла. Я снова хватаю плеть и, отпустив поводья, разворачиваюсь в седле, чтобы держать в поле зрения ленту, преследующую нас, как разъяренная змея. Я замахваюсь, только когда она приближается настолько, что я могу разглядеть каждую нить времени в ее структуре. Это прекрасно. Казалось бы, я уже должна привыкнуть к этому зрелищу, но нет. Мне стоит огромных

усилий не протянуть руку и не прикоснуться к ней. Бледнеющие линии на моей коже жаждут этой временной энергии. Но если поддамся порыву, это принесет мне верную смерть.

Наконец, плеть со щелчком цепляется за дергающуюся ленту времени, и та в бешенстве сопротивляется, пытаюсь стащить меня со спины Калипсо. Только благодаря годам тренировок я удерживаюсь в седле. Но завтра меня явно будет ждать жуткая крепатура. Второй конец ленты времени устремляется к нам. Когда хлыст обхватывает и его, я с облегчением сглатываю и опускаю руки. Но делаю это слишком рано. Плеть выскальзывает у меня из пальцев. К счастью, страховочная петля не дает мне ее потерять. Я вновь хватаюсь за рукоять, и оставшаяся в плети энергия времени перетекает в ленту. Почти получилось. Еще минута – и все будет кончено.

Внезапно ураганный порыв ветра обрушивается на меня, и толчок, прошедший по плети, выбивает мне плечо. Я вою от боли, но не отпускаю плеть, и лента времени с шипением соединяется. В ту же секунду шторм утихает. Воронка, еще мгновение назад мчавшаяся по небу, разрушается – знак того, что офицеры когорты тоже восстановили все ленты в сердце бури. Нас вот-вот обнаружат. Но единственное, что я слышу в наступившей тишине, – это скрежет собственных зубов. Боль от вывихнутого плеча охватывает все тело, и на мгновение у меня темнеет в глазах.

– Домой, – шепчу я кобыле и обмякаю у нее на спине.



Копыта Калипсо касаются стеклянного пола совсем мягко, но я все равно вздрагиваю от боли. Потом перекидываю ногу через ее шею и соскальзываю вниз. Ноги у меня ватные, как тот противный пудинг из столовой, а колени подкашиваются. Уиллоу и Роуэн тут же бросаются ко мне.

– Дерьмо, – ругается Роуэн, забирая у меня плеть и наматывая хлыст на рукоять. – Шторм закончился. Когорта скоро вернется, тебе надо уходить.

– Я... я первая?

Он закатывает глаза и расстегивает пряжки на кобуре.

– Все вернулись, но никто не справился с тремя лентами. А ты починила целых пять, выскочка.

Я хочу ухмыльнуться и победно вскинуть кулак, но лишь кривлюсь от боли. Рука торчит под неестественным углом, и от одного взгляда на нее мне становится дурно.

– Это безумие, – шипит Уиллоу. – Я знала, что ты не дорожишь собственной жизнью, но это... – Она упирает руки в бока. – Мертвые штормовики никому не нужны.

Она права. Но я никогда в этом не признаюсь.

– Все же обошлось. – Я стараюсь говорить невозмутимо, потому что даже для меня это слишком. Пять лент! Если бы в плети не хватило времени?.. Что ж, лучше не думать об

этом.

– Кому и что ты пытаешься доказать? – Голос Уиллоу дрожит от ярости, и даже Роуэн вздрагивает. – Отцу?

– Мышонок... – осторожно говорит Роуэн, но запинается под гневным взглядом Уиллоу. Вся ее мягкость просто испарилась.

Она ошибается. Я не пытаюсь никому ничего доказать. Ни моему любящему отцу, ни эгоистичной матери. Ни моему чрезмерно гениальному брату Персивалю, ни идеальной сестре Эмбер.

– Только себе, – наконец отвечаю я.

– Ох. – Ее гневный взгляд смягчается. – Позаботься о Калипсо, – приказывает она Роуэну, и тот кивает. – А я отведу Эйвери в лазарет. Рука выглядит не очень.

Весьма мягко сказано.

Уиллоу проводит ладонью по шее Калипсо.

– Тебе следует отучить ее от этих глупостей, – бормочет она кобыле. Та фыркает ей в щеку, и Уиллоу улыбается.

Со стартовой площадки доносится шум. Я замечаю двух командиров эскадрилий, вернувшихся из шторма. Они не должны меня увидеть. Мой желудок сжимается.

Все знают о гонках. Нет ни одного выпуска, который бы их не устраивал, – почти что нелегальная традиция. Обычно пойманных рекрутов-штормовиков отстраняют от полетов. Мне же вообще не положено иметь пегаса. Так что о наказании даже думать страшно. До сих пор мне просто чертовски

везло.

К нам подкрадывается Джуна, и они с Уиллоу тут же встают по обе стороны от меня. Мы втроем почти добираемся до лифта, когда сзади раздается оклик:

– Эйвери!

Я оборачиваюсь и вижу, как Нокс, конюший и командир эскадрона Акинфоса, приближается к нам.

– Ты заблудилась?

Он близкий друг моего отца, а также высокопоставленный офицер, который просто не может закрывать глаза на мои проступки. Его взгляд падает на мою руку.

– Она поскользнулась, – врет Джуна, – когда помогала мне чистить стойла.

– Вам стоит попрактиковаться во лжи, мисс Рахими. Еще пригодится. – Затем Нокс поворачивается и говорит мне: – А теперь уходите.

Мы заходим в лифт.

– Они бы все равно узнали, – тихо говорю я. – Мио придется сообщить о гибели Талии.

Джуна кивает.

– Я пыталась добраться до вас, но встречный ветер был слишком силен. Пять лент. – В ее голосе звучит восхищение. – Зарин справился лишь с одной. Если после этого отец не разрешит тебе летать... тогда я даже не знаю, что делать.





Целители вправили мне плечо, обработали ожог на ноге и напоили тертым порошком времени, чтобы я не чувствовала боли. Теперь я, пошатываясь, направляюсь к лифту, чтобы добраться до своей комнаты. Уже далеко за полночь, а по уставу все рекруты, кто не на дежурстве, обязаны находиться в постели ровно в одиннадцать. Еще одно нарушение. Еще одно возможное наказание. Целители не позволили ни Джуне, ни Уиллоу остаться со мной.

Смертельно уставшая и разбитая, я спускаюсь на нижние уровни. Через несколько часов мне нужно сидеть в учебном зале и слушать лекцию по космологии. Если друзья прикроют меня, возможно, я успею урвать хотя бы час сна. Космология не входит в перечень предметов, которые будут на выпускных экзаменах, но посещение строго обязательно.

Комнаты рекрутов находятся на третьем уровне башни. Когда я выхожу из лифта, лунный свет освещает потрескавшийся мраморный пол и расписанные стены. Фрески рассказывают старые легенды о Хроносе и его брате Кайросе. Я знаю их так же хорошо, как перья на крыльях Калипсо.

Нас сослали в Этернити двести человеческих лет назад – или двадцать декад по нашему времени. Лишь немногие из нас уже жили тогда и были свидетелями гибели других миров. Мой отец – один из них. Как и его друг Нокс. Когда я была маленькой, они иногда рассказывали об этом. Пока их истории не начали являться ко мне в кошмарах. Осознав,

что нам придется остаться здесь, мы попытались объяснить людям, что с ними станет, если они не начнут беречь свое время. К сожалению, все наши усилия остались безуспешными. Как и в других мирах, они растрачивали его с пугающей щедростью. И я, наверное, никогда не пойму, почему они не видят, что сами виноваты в том, что сейчас стоят на краю обрыва.

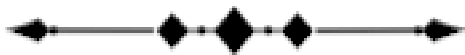
Я подхожу к двери и распахиваю ее, попадая в маленькую аскетичную комнатку. Когда три года назад я поступила в Академию, отец предложил мне расположиться у него. Там, конечно, было куда комфортнее. Но я отказалась. Не хотела поблажек. И нуждалась в дистанции. По разным причинам. А теперь вот спала на матрасе, твердом, как броня.

Я бросаю куртку на стул, который едва ли не разваливается от веса наваленного на него хлама, и начинаю развязывать шнурки. Из последних сил стягиваю ботинки, заползаю под одеяло и, задрав рукава, смотрю на медово-желтые линии и завитки, сплетающиеся у меня на коже. Они тянутся от запястий и покрывают все тело тончайшей вязью. Когда запас времени полон, линии светятся теплым и насыщенным цветом киновари. Сейчас они почти исчезли. А это значит, что я на грани. Завтра после занятий мне придется пополнить временной запас. Поскольку я буду на дежурстве в городе, это не должно стать проблемой.

Я натягиваю одеяло до самого носа, чувствуя, как холод охватывает все тело. То ли от травмы, то ли это первые при-

знаки лихорадки времени. Но эту ночь я еще протяну.

Я погружаюсь в беспокойный сон, наполненный образами из моего детства, вспышками молний и чувством тяжести в груди, которое не ослабевает, пока я не просыпаюсь. Пока утро не стирает все воспоминания. Топтаться в прошлом – пустая трата времени. И если кто-то узнает, как часто я мысленно возвращаюсь назад, то моя мечта стать штормовиком рассыплется, как старые страницы в библиотеке, куда я больше не захожу, потому что она напоминает мне о том, что я должна забыть.



Голова раскалывается, и я с трудом открываю глаза. Левая сторона моего тела горит и ноет, как будто по мне пробежал табун пегасов, а в горле настоящая пустыня. Я со стоном сажусь на постели и едва сдерживаю подступающую тошноту. Я опаздываю, а мне еще надо успеть сходить в душ, переодеться и поесть, перед тем как идти в аудиторию на лекцию.

Покачиваясь, я добираюсь до крошечной ванной – той небольшой роскоши, которая мне еще доступна. Одной рукой стягиваю с себя одежду и встаю под душ. Ледяные струи неприятно бьют по коже, но помогают избавиться от головокружения. Сознание проясняется. Линии времени на коже становятся еще бледнее – тревожный сигнал, хотя бывало и

хуже. Я вытираюсь насухо, чищу зубы и натягиваю черные кожаные штаны и белую футболку. И на все это у меня уходит целая вечность. Пока сушу волосы, мысленно благодарю Хроноса за то, что мне никогда не приходила в голову мысль отращивать их длиннее плеч.

Я почти закончила, когда в дверь требовательно застучали.

– Заходи! – кричу я.

Уиллоу или Джуна каждое утро забирают меня на завтрак. По уставу мы должны быть в столовой ровно в восемь.

Я щиплю себя за щеки, чтобы хоть немного оживить лицо, потому что выгляжу как ходячий труп. А надевать свитер с длинными рукавами уже поздно. Джуна взбесится, если увидит мои линии.

Но это не она. В дверях моей ванной стоит личный адъютант моего отца.

– Рекрут Асланидис, – произносит он, как всегда, вежливо и сухо. – Отец зовет тебя к себе. – Он скользит взглядом по поблекшим линиям у меня на руках, хмурится, но ничего больше не говорит. Ну и хорошо.

Я возвращаюсь в комнату и хватаю куртку. Аккуратно просовываю травмированную руку в рукав.

– Валериан, когда ты перестанешь говорить так пафосно? – пытаюсь сбить его настрой. – Мы ведь в песочнице вместе сидели. И в следующий раз оставайся за дверью – я могла быть голой.

Он никак не реагирует, хотя я этого и не ждала. Вместо этого он помогает мне втиснуться во второй рукав.

– Ты освобождена от занятия по космологии.

– А если я хотела туда пойти?

Он приподнимает бровь:

– После вчерашнего хоть бы сделала вид, что умеешь слушаться приказов.

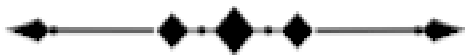
– Ты знаешь об этом?

– Все знают, чем вы занимались прошлой ночью. Зарин сразу доложил о пропаже рекрута, как того требуют декреты.

– Конечно, доложил, – бурчу я себе под нос. Наверняка еще и вину на меня свалил. Он ненавидит меня с первого курса. С тех самых пор, как я украла его одежду, пока он подглядывал за девчонками у пруда. В итоге ему пришлось гольшом бежать через весь парк, окружающий башню. Его задница оказалась вполне ничего. Но вот все остальное в нем – ни уму ни сердцу, и даже мускулистое тело не спасало положение. Мы и до этого терпеть друг друга не могли, а после той выходки он официально объявил меня своим злейшим врагом. С тех пор он почти не упускает возможности напомнить мне, что он – прирожденный штормовик, а я – пустое место. Он до сих пор не сдал меня лишь потому, что хотел выглядеть лучше на моем фоне.

Мы выходим из комнаты, и я с напускным спокойствием плетусь за Валерианом по коридорам, ведущим к лифтам, расположенным точно в центре башни. Их всего четыре; они

круглые, установлены по кругу в общей шахте и без остановки поднимают и опускают нас между уровнями. Рекруты, мимо которых мы проходим, оживленно перешептываются. Слухи уже успели разойтись, но я даже знать не хочу, какие истории о прошлой ночи гуляют по этажам. В конце концов, одна из нас погибла, даже если это не моя вина. Валериан должен бы напомнить младшим рекрутам о том, что болтовня – пустая трата времени, а распространение ложных обвинений наказуемо. Но он, разумеется, молчит.



– Эйвери. – Встревоженный взгляд отца встречает меня сразу, как только я попадаю в его кабинет. Он жестом отпускает Валериана, и тот уходит, но оставляет дверь приоткрытой. – Ты ранена. Почему мне никто не сообщил?

– Потому что нет ничего, что не вылечила бы небольшая порция времени, – дерзко отвечаю я. Я не в настроении для его заботы. Никому и в голову бы не пришло тревожить его из-за травмы какой-то рекрутки. У него и без того дел по горло.

Я стойко выдерживаю его взгляд, но напрягаюсь, когда он встает и направляется ко мне. Терпеть не могу, когда он злится на меня. Но сегодня придется с этим смириться. Он имеет полное право наказать меня. Но когда подходит бли-

же, то всего лишь кладет мне на щеку ладонь. Ее тепло успокаивает.

– Это могла быть ты, – говорит он.

Меня окутывает знакомый запах. Отец пахнет как настоящий штормовик: пряной соломой гнезд, свежестью после дождя над горами, сандаловым деревом – все это осталось с ним, хотя он уже давно не летал. Моему отцу больше двадцати пяти декад – двести пятьдесят лет по человеческому летоисчислению, но выглядит он не старше пятидесяти. Он высокий и стройный, с широкими плечами, аккуратной сединой и подстриженной бородой на лице, испещренном морщинами от ветров и времени. В молодости он был одним из самых одаренных штормовиков, но все равно не смог предотвратить наше поражение в той, последней войне. Сейчас он – высокопоставленный офицер Акинфоса, но по-прежнему носит простую серую форму штормовика, сознательно отказываясь от знаков отличия. Мама всегда говорила, что его скромность сводила ее с ума. Мои родители вместе воевали, вместе ушли в изгнание в Этернити, и здесь у них родилось трое детей. Но, несмотря на все что им пришлось пережить, десять лет назад мама все-таки ушла от него. Он простил ее, потому что все остальное было бы пустой тратой времени. Я лишь надеюсь, что когда-нибудь тоже стану такой сильной.

Когда я ничего не отвечаю, он тяжело вздыхает:

– Ее смерть была напрасной.

Он прав. Но Талия сама выбрала выйти в шторм.

– Я выжила. И со мной все в порядке, – говорю я с твердостью в голосе.

– Но тебе больно. – Он закатывает рукав моей куртки, чтобы посмотреть на поблекшие линии времени, и хмурится. В отличие от красного свечения у собирателей, линии штормовиков сияют разными оттенками зеленого. У отца они имеют насыщенный цвет хвои, а значит, его резерв полон. У каждой способности своя окраска.

– Все нормально, – говорю я, отдергивая руку. Потом отступаю на шаг и выпрямляюсь, как и подобает рекруту моего ранга. Отец не требует, чтобы я воспринимала его как своего командира, но, пока числюсь в Академии, он таковым и является. Я давно перестала быть ребенком, который бросался к нему на колени каждый раз, когда было больно или страшно. – Это просто вывих, и обезболивающее уже подействовало. Через день-два все пройдет, – успокаиваю его. – И я починила пять лент. Ты разрешишь мне сдать экзамен?

– О чем ты только думала? – спокойно спрашивает он, игнорируя мой вопрос. – Я сделал исключение и позволил тебе летать. Но не ожидал, что ты окажешься настолько безрассудной, чтобы участвовать в этих нелегальных гонках.

– Я просто хочу быть не хуже остальных, – отвечаю я, стараясь не показаться слишком упрямой.

Эти гонки существовали еще при его юности. И хотя с конца войны минуло уже двадцать декад, по Академии до сих пор ходят легенды о том, с какой яростью он бросался

в каждый бой с кайросианцами. Он никогда не сворачивал с пути. И я тоже не собираюсь.

Ему тяжело указывать мне на очевидное, но он все же говорит:

– Я родился штормовиком, милая.

Мы уже сто раз вели этот разговор.

– Верно, – соглашаюсь я. – Но сейчас нам нужны штормовики. Больше, чем когда-либо. Пора пересмотреть старые правила. Разве ты не согласен? – Мой голос звучит спокойно, но твердо. Я не собираюсь отступать. Никогда. Буду первой собирательницей, которая также станет и штормовиком.

Отец осторожно обнимает меня, стараясь не задеть плечо.

– Для многих из нас традиции – это все, что у нас осталось. Но я знаю, что из тебя выйдет идеальный штормовик. И я буду тобой гордиться.

Им я и стану, если он только даст мне шанс.

– Именно поэтому я и позвал тебя, – продолжает отец, а потом наклоняется ко мне и шепчет прямо на ухо: – У меня для тебя сюрприз. – Он делает паузу и произносит фразу, от которой вся башня подо мной будто начинает раскачиваться: – Аттикус вернулся.





Паника. Чистая, необузданная паника за долю секунды вытесняет все остальные чувства. Лоб покрывается потом, и я поспешно вытираю его. Аттикус вернулся? Это невозможно!.. Зачем? Пожалуйста, только не это! Я сплю? Видимо, лента времени ударила по мне сильнее, чем я думала.

Отец не спускает с меня взгляда.

– Он хотел тебя увидеть.

– Зачем?! – вырывается у меня. Наверняка он здесь проездом, выполняя очередное дурацкое задание, на которое его отправили воздушные командиры. Завтра его уже не будет, и все вернется на круги своя. И встречаться нам вовсе не обязательно.

Отец проводит рукой по моему предплечью:

– Следующие восемь недель он будет готовить рекрутов-штормовиков к выпускному экзамену.

Я распахиваю глаза. Восемь недель? Да он издевается?.. Башня слишком мала для нас двоих.

– Это твоя идея? – спрашиваю я. Он не может так со мной поступить! Он ведь знает, как сильно я страдала после того, как Аттикус выбросил меня, словно ненужную игрушку.

– Нет. Решение принял Совет.

Тот самый Совет, в котором состоит он сам и воздушные командиры остальных двенадцати башен. Неужели он не смог их переубедить? Он же старше и опытнее всех их.

– Нокс согласился отдать ему место тренера? – Мои во-

просы звучат все беспомощнее. Как мне теперь стать штурмовиком? Я собиралась уговорить отца разрешить мне сдать экзамен. Но для этого нужно пройти хотя бы часть подготовки. На финальной проверке рекруты впервые входят в центр штурма, и без тренировки это все равно что самоубийство. А если теперь нашим тренером будет Аттикус... Мои плечи опускаются.

– Проблема не в Ноксе. Условие поставил сам Аттикус, – сообщает отец.

Я массирую пальцами виски, пытаюсь унять пульсирующую в голове боль. Ну почему он не мог вернуться в следующем году – или хотя бы через десять декад? Проклятье!

– Он настаивал на том, чтобы тренировать и тебя.

Мне требуется несколько секунд, чтобы обработать новую информацию. Я смотрю на отца.

– Что?

Наверное, я ослышалась.

Отец хмурится. Похоже, он ждал от меня совсем другой реакции. Вполне обоснованно, особенно после той речи, которую я только что выдала.

– Обсудим позже. Он уже здесь.

Из прихожей доносятся шаги. Мне становится еще холоднее, чем прежде. В то же время тело бросает в жар, и я чувствую, что могу в любой момент упасть в обморок. Я трусиха, и немного храбрости мне бы не помешало. Я же ничего плохого не сделала. Это Аттикус предал нас. Почему в этой

башне нет аварийного выхода?

Отец снова касается моей руки:

– Не переживай.

Я и не переживаю. Я в панике. И совершенно не готова снова его видеть.

Шаги приближаются к двери, а затем он входит в кабинет. Я заставляю себя не двигаться и стоять прямо. По спине, от копчика к шее, бегут мурашки, а я ведь даже не обернулась. Мне нужно еще немного времени. Но я уже ощущаю его присутствие – каждой клеточкой своего тела. Настоящее безумие! Такой эффект он производит на меня с самой первой нашей встречи. До него я даже не знала, что взгляды можно *чувствовать*. Но Аттикус Мэверик быстро меня этому научил. Я ощущала его и мечтала снова оказаться в его объятиях. Прикоснуться к нему. Почувствовать его касания. Разлука с ним казалась невыносимой. Какой же душой я была, когда верила, что он испытывает то же самое?

На этот раз все совершенно иначе. По моему позвоночнику ползет вовсе не непреодолимое желание, а ужас. Почему я не осталась в лазарете или в постели? Почему не попыталась получить травму посерьезнее? Почему я не в коме? Я хочу сбежать, но единственный путь к двери пролегает прямо мимо него. Это не должно так волновать меня. Не после всего, что случилось между нами.

Еще одна капля пота стекает по моей шее, когда отец обходит меня и направляется к нему. Я бы с радостью броси-

лась в ураган, лишь бы избежать этой сцены. Сколько раз я видела ее в кошмарных снах? Сотни? Тысячи? Теперь все это происходит наяву.

– Аттикус, – приветствует его отец, и радость в голосе кажется совершенно искренней. По характерным звукам я догадываюсь, что они обнимаются, похлопывая друг друга по спине. – Я горжусь тобой. Ты многого добился, мальчик мой.

– Приамос, – отзывается Аттикус. – Всем, чего я добился, я обязан лишь тебе. Без твоей поддержки я бы вообще никогда не попал в Бакту, – добавляет он тем же хриловатым голосом, от которого у меня всегда по телу бежали мурашки. Особенно когда он шептал мне на ухо, что именно собирается со мной сделать, пока его ладони медленно скользили по каждой линии времени у меня на коже, запоминая и исследуя их, будто карту, ведущую к моим тайнам. Он знал обо мне все. И не только о теле.

– Я должен был сделать это ради Гарета, – тихо говорит отец, и в его голосе звучит печаль.

Гарет Мэверик был его лучшим другом и воздушным командиром Бакты. В войне с кайросианцами они сражались бок о бок. А потом, уже в изгнании, вместе собрали хронистов на Этернити и дали клятву спасти этот мир ради них. И они верно исполняли ее. Но лишь до тех пор, пока десять лет назад Гарет не посетил Акинфос. В тот вечер порвалось столько лент времени, что Этернити едва не вырвалась из галактики. Гарет вылетел в центр шторма вместе с моим от-

цом и двумя когортами офицеров. Когда время в плети отца кончилось, Гарет отдал свою собственную, чтобы склеить последние ленты. Он пожертвовал собой ради всех нас. Именно поэтому его портрет до сих пор висит в Галерее героев.

Аттикус всегда хотел пойти по его стопам, и ради этого он был готов на все. Просто на тот момент я даже не представляла, как далеко простиралось это «все». Он был смелым, амбициозным и абсолютно безжалостным.

Я глубоко вдыхаю. Настало время повернуться. Аттикус бросил меня три года назад. С тех пор я повзрослела. Он не должен меня волновать. Я должна быть выше этого. Но разве можно забыть свою первую любовь? Можно ли забыть, каково это – когда тебе вырывают сердце и топчут его? Я любила его с той слепой и наивной страстью, на какую только способна двадцатилетняя девушка. Даже не знала, что вообще могу испытывать к кому-то столь сильные чувства. Я бы отдала за него все и думала, что он сделает так же. Но я ошибалась. Почти во всем. Но это осталось в прошлом. И любовь, и боль, и ярость. Пусть даже мне пришлось проживать эти эмоции очень, очень долго. Этот этап моей жизни должен был стать лишь воспоминанием – тусклым и расплывчатым. К сожалению, я помнила каждую гребаную секунду, проведенную с ним и без него. После того как он ушел, я скатилась в бездну страха и отчаяния. И при мысли о том, какой слабой тогда была, стыд обжигает щеки. До сих пор не пони-

маю, как позволила ему получить такую власть надо мной.

Я разжимаю стиснутые в кулаки ладони, медленно и негромко выдыхаю, а потом, наконец, поворачиваю голову, так что волосы рассыпаются по плечам, и выпрямляю спину. Его взгляд поражает меня, словно хлесткий удар ленты времени, и если бы не вся та самодисциплина, которую я выковала за последние годы, я бы точно отшатнулась.

Аттикус Мэверик всегда был красив и олицетворял собой классическую красоту: высокие скулы, прямой нос, выразительный подбородок, темные растрепанные волосы и сияющие серо-голубые глаза под ровно очерченными бровями. А еще он обладал телом, которое будто лично вылепил сам Хронос. Теперь в его чертах появилась жесткость, которой раньше не было. Но я полюбила его вовсе не за красоту – не она делала его таким привлекательным для меня, а многое другое. Наши бесконечные ночные разговоры, его чуткость, мужество, уверенность в себе, интеллект, надежность, остроумие и обаяние, умение слушать и безграничная нежность. Но больше всего мне нравилось чувство безопасности, окутывающее меня рядом с ним. Я могла рассказать ему все, даже свои самые мрачные и темные мысли. Он никогда не смеялся над ними и не отмахивался. Слушал меня, как никто и никогда до него. Я без стыда могла признаться ему, что завидую талантам сестры и брата. Он не издевался над моим желанием быть не просто собирательницей, а полноправным членом нашего общества, наравне с членами моей се-

мьи. Он дарил мне ощущение значимости и вселял уверенность в том, что я имею полное право мечтать стать штормовиком. Позволил мне летать на Калипсо. Почти ни у кого из собирателей не было собственного пегаса, а он доверил кобылу мне.

Я была до безумия влюблена в него – настолько, что даже не заметила, как мало он говорил о себе. Что никогда не упоминал ни о смерти отца, ни о своей матери. И в итоге все оказалось обманом. Столкновение с реальностью было куда больнее, чем вывихнутое плечо. У него была четкая цель, и как только он достиг ее, то бросил меня. Просто так. Должна ли я была понять это раньше? После его ухода я часто задавала себе этот вопрос, но отказываюсь считать себя жертвой. Он сделал то, что считал нужным, – хоть этому я у него научилась. Сейчас я более осторожна, подозрительна и цинична, чем тогда. Так легко я больше никому не доверюсь.

Только после того, как он бросил меня, не сказав ни слова на прощание, я поняла, что он использовал меня, чтобы укрепить отношения с моим отцом. И, по правде говоря, ему даже не нужно было идти на такие ухищрения: отец и так относился к нему как ко второму сыну и всячески поддерживал его. Поэтому он поставил условие – тренировать меня? Потому что хочет еще больше втереться в доверие? Нельзя ему доверять.

Аттикус отстраняется от отца и подходит ко мне. В каждом его шаге чувствуется осторожность, и он смотрит толь-

ко на меня. Я встречаю его взгляд с невозмутимым видом и впервые радуюсь, что не такая хрупкая и маленькая, как Уиллоу. Он все еще выше меня, но теперь мне не нужно сильно запрокидывать голову.

– Эйвери, – произносит он. И в одном коротком слове слышится тепло. Тень сожаления и радость от встречи.

Раньше я не понимала, каким талантливым актером он был. Теперь я умнее и подготовлена.

Он поднимает руки, будто хочет обнять меня. Мое заново собранное сердце стучит по ребрам изнутри, и я – скорее по инерции, чем осознанно, – делаю шаг назад.

– Аттикус, – уверенно, но с небольшим запозданием отвечаю я. Напряжение между нами столь сильное, что становится трудно дышать. – Добро пожаловать обратно.

Этот человек выбросил меня, словно форму, ставшую тесной, едва одобрили его перевод в Бакту и зачисление в офицерскую школу. Он даже не посчитал нужным рассказать мне о своих планах. Он просто исчез.

Горечь подступает к горлу, обжигая его.

– Поздравляю, – выдавливаю я. – Карьера у тебя блестящая.

Он старше меня всего на три года, а уже офицер. В двадцать шесть человеческих лет он станет наставником штормовиков Акинфоса. Вряд ли кто-то до него добивался этого так рано. Видимо, ему все так же легко удастся обводить людей вокруг пальца. Интересно, кого он очаровал в Бакте?

Кому разбил сердце, чтобы продвинуться по карьерной лестнице? Хотя меня это уже не касается.

– Я рад снова быть здесь. Я скучал по Акинфосу. Я... – Он выдыхает, будто собирается добавить что-то еще.

Серьезно? Если бы хотел, он бы тут и остался. Я с трудом проглатываю язвительную колкость, коротко киваю и поворачиваюсь к отцу:

– Я бы хотела пойти на лекцию. Если я тут больше не нужна.

– Конечно, – неуверенно отвечает он.

Он хоть понимает, что творит? Я не могу позволить Атикусу тренировать меня. Просто не могу. Потеря времени и боль ослабляют меня настолько, что я едва соображаю. Все, что еще недавно было для меня важно, ускользает.

– Нам с Атикусом нужно многое обсудить. Хочешь поужинать с нами сегодня? – спрашивает отец.

Нет, не хочу. Ни при каких условиях. Но если откажусь, то Атикус решит, что я до сих пор не оправилась, а отец будет во мне разочарован.

– Посмотрим, как я буду себя чувствовать, – отвечаю я как можно спокойнее.

– Я попрошу Хлою подойти. Она тебя осмотрит.

Хлоя – целительница. А также фаворитка моего отца, его любовница, спутница, временная замена – можно как угодно назвать женщину, которая пришла на место мамы, после того как та нас оставила.

Я так давно не чувствовала себя такой маленькой и беспомощной. У меня в глазах темнеет. Нужно было раздобыть себе немного времени. Если бы только знала, что меня ждет, то так бы и сделала. Я должна немедленно уйти отсюда. Я делаю шаг, но Аттикус хватается за мое запястье. Он держит меня одновременно нежно и достаточно крепко, чтобы я остановилась. Резкий разряд проходит по моим линиям времени, когда он скользит пальцем по коже, проверяя мой запас. Он не имеет права прикасаться ко мне. Но я позволяю ему это – всего на несколько секунд. Потом выдергиваю руку из его хватки и сердито смотрю на него. Большая ошибка. Потому что он наблюдает за мной точно таким же взглядом, как и тогда, в нашей постели. Когда он целовал мое тело, снимал с меня белье, вытягивал мои руки над головой, овладевал мной и любил так, что после него я уже ни одного мужчину не воспринимала всерьез. И я знаю, о чем говорю. Пыталась завести интрижки с другими. Но все было зря. После каждой ночи с ними я чувствовала себя только хуже и скучала по нему еще больше.

Его глаза внезапно темнеют, будто он точно знает, о чем я сейчас вспоминаю.

– Прости. Не хотел нарушать границы, – говорит Аттикус чуть тише и опускает взгляд на мой воротник, но футболка с высоким горлом скрывает линию времени на шее. – Если хочешь тренироваться с остальными, тебе нужно пополнить запас, – сухо добавляет он. – Ты всегда слишком беспечно к

этому относилась. – В его тоне слышится явное осуждение.

Наконец-то он показал свое истинное лицо. И это, как ни удивительно, приносит мне облегчение.

– Ты получишь право командовать мной, только если я соглашусь на твою подготовку, – цежу я.

Он склоняет голову набок и улыбается, будто уже знает, чем все закончится.

Мне нужно выяснить, чего он хочет, но сейчас я просто вылетаю из кабинета отца, из последних сил сдерживаясь, чтобы не хлопнуть дверь. Я закрываю ее как можно тише и прижимаюсь к ней спиной. Мое дыхание учащается, словно я только что трижды пробежалась по всем уровням башни. Вот тебе и выдержка.





– Значит, герой вернулся. Кто бы мог подумать... – равнодушно говорит Валериан, прерывая мои бешено носящиеся мысли. Он аккуратно раскладывает бумаги на столе в ровные стопки. – А ты, как ни странно, не особо радуешься. Не так, как надеялся твой отец.

Похоже, его это ничуть не удивляет. Валериан окончил Академию за год до Аттикуса.

– Ты, случаем, не завидуешь? – огрызаюсь я. – Боишься, что он займет твое место при командире?

Знаю, что звучу злобно. Но мне ведь надо на ком-то выместить злость.

Он проводит ладонью по идеально выстриженным ослепительно-белым волосам, из которых не выбивается ни одной пряди.

– Нет. Бумажная волокита вряд ли придется по вкусу храброму Аттикусу Мэверику.

– Ну, тогда тебе не о чем волноваться. – И прежде чем успеваю наговорить чего-то совсем глупого, я выскальзываю из приемной. Больше всего на свете мне хочется вскочить на спину Калипсо и улететь куда глаза глядят. Но вместо этого я захожу в стеклянную капсулу лифта, поднимаюсь на пятый уровень, где находятся лекционные залы, и открываю дверь резче, чем следует. Лекция уже идет полным ходом.

Профессор Петридис стоит перед звездной картой. Она ученая и вместо формы носит темно-зеленый плащ длиной

до пола. При моем появлении она хмурится, как и весь третий курс. Хотя... нет. Все-таки не весь. Талия отсутствует. Я плотно поджимаю губы. Я пропустила минуту молчания, которая проводится для всех павших.

– Как приятно, что ты удостоила нас своим присутствием, Эйвери. Все знают, что раны не освобождают от посещения лекций, если ты в состоянии стоять, – говорит профессор. – Я сообщу о нарушении.

– Меня вызвал воздушный командир, у меня освобождение, – отвечаю я. – Встреча заняла больше времени, чем планировалось. Валериан передаст вам объяснительную.

Не дожидаясь ее ответа, я пробираюсь на свое место и сажусь рядом с Уиллоу. Джуна оборачивается и смотрит на меня поверх фальшивых очков. Оправа и стекла оранжевые – это указывает на то, что у нее сегодня плохое настроение.

– У нее тоже запрет на полеты, – шепчет Роуэн. – На неделю. Почему ты дрожишь? – Он приглядывается ко мне, и я быстро убираю руки с парты. – Что сказал отец?

– Не сейчас, – тихо отвечаю я. А лучше бы вообще никогда. Я не могу рассказать им об Аттикусе. Они выросли в других башнях, но, как и большинство из нас, приехали сюда на учебу в двадцать лет. К тому моменту Аттикус уже уехал.

Роуэн пристально вглядывается в меня. Его главная отличительная черта в том, что он не любит недосказанности. Он всегда должен докапываться до сути. Обычно я это ценю в нем. Но не сегодня.

Я изо всех сил стараюсь сосредоточиться на лекции. Космология не входит в число моих любимых предметов, и из-за этого мне особенно трудно. К счастью, новой информации сегодня нет: профессор повторяет то, что мы уже проходили. Многие студенты вполголоса переговариваются между собой, кто-то делает задания по другим предметам. Уиллоу читает книгу, лежащую у нее на коленях. А у меня в голове бьется одна мысль. *Он вернулся.* Он останется здесь. Я буду видеть его каждый день. Камень внутри живота не рассыпается, а только твердеет.

Наконец, я беру себя в руки и заставляю себя поднять взгляд на гигантскую карту, висящую за спиной профессора. На ней изображена вся наша галактика: Солнце и тринадцать миров. Только девять из них все еще связаны лентами времени. Остальные представляют собой черные пятна. Потерянные. Время их покинуло. Ученые веками ломали голову над тем, почему Хронос не сделал время неисчерпаемым. Самый здравый ответ гласил: время слишком ценно, чтобы бесконечно его раздавать. Все, что не ограничено, теряет ценность. И наша главная задача – объяснять это людям. Вот почему Хронос даровал нам способности, которые помогали сохранять время. Хотя, надо признать, выходило у нас не слишком хорошо.

Профессор поднимает указку и отмечает на карте два черных мира.

– Мертвые миры, – говорит она. – Те, что исчерпали все

свое время. Без времени мир существовать не может. Он сам себя пожирает. Видите этот? – Она обводит одно из пятен. – Верити уничтожили кайросианцы во время последней войны. Они высосали из нее все время, чтобы нанести нам сокрушительный удар. Верити погибла в ужасной катастрофе.

Моя семья родом с Верити. Все мои предки оттуда. Но я уже никогда там не побываю и не увижу тот мир. Верити все еще вращается вокруг солнца, но лент времени там больше нет. Я прямо-таки чувствую, как страх захватывает всю аудиторию.

– С чего начинается смерть миров? – спрашивает профессор Петридис.

– Учащаются штормы. Просыпаются вулканы. Ливни, – отвечает Мириам с первого ряда. Она, как и Уиллоу, учится на целительницу. – Морские течения нарушаются.

– Верно. Что еще? – Профессор задирает острый нос, обращая внимание на рекрутов с последних парт.

– Наступает хаос, – говорит Лукас. – Как было еще до того, как Хронос навел порядок. Без времени мир разваливается.

– Именно. Какие миры уже поглотил хаос?

– Помимо Верити, еще Эгис, Перпечуити и Дестини, – отвечает Уиллоу.

– Правильно, – подтверждает профессор.

Дестини стала первым миром, который мы потеряли.

– В последние недели штормы обрывают даже самые толстые ленты времени, – говорит Фрида. – Две недели назад

погибли три штормовика. – Ее голос дрожит. Все поворачиваются к ней. – Мама говорит, скоро Этернити постигнет их судьба. Быстрее, чем утверждает Совет. Мы все погибнем.

Я разделяю ее страх. Шторм, о котором она говорит, был настоящим кошмаром.

– Твоя мать не должна распространять слухи, – резко обрубают ее профессор. – Как и ты. У Совета все под контролем. Собиратели добыли достаточно времени, чтобы при необходимости всех нас эвакуировать.

В какой-то степени она права. Времени у нас достаточно, вот только куда эвакуироваться? Этот вопрос никто задать не осмеливается.

Раньше между мирами существовали так называемые тоннели времени, которые позволяли нам путешествовать. Но их поддержание отнимало время, очень много времени. И его нам не хватило. Поэтому тоннели, ведущие с Этернити в другие миры, исчезали один за другим. Теперь существует только путь в Инфинити. Мы можем пройти через тоннель... но ворота с другой стороны заперты уже целую декаду. Кайросианцы оборвали контакт.

– А если мы построим новый тоннель? – спрашивает Мио. – И нас снова не впустят? Насколько тоннель надежен? И кто решает, кого эвакуировать первым? Что, если нас встретят с оружием?

Очень правильные вопросы. Я должна поговорить об этом с отцом. Хотя бы попытаться. Война закончилась уже два-

дцать декад назад. Штурмовиков обучают бою. Но смогут ли они убивать, если кайросианцы нас атакуют?

– Тогда надо просто собрать еще больше времени, – выкрикивает Зарин. – Люди все равно не ценят дар Хроноса.

Его дружки согласно кивают. Такие же дураки, как он.

– Каждый раз думаю: ну не может он вести себя еще тупее. И каждый раз он доказывает, что может, – бурчит Роуэн.

Джуна хихикает, а я прикусываю губу. Как же он прав...

– Если собрать все время разом, люди начнут умирать, – размышляет он вслух. – Кто тогда будет рожать детей? И откуда тогда возьмется новое время?

В отличие от нас, человеческие дети рождаются с большой порцией времени. Это заслуга Кайроса: когда-то – еще до того, как братья поссорились, – он договорился об этом с Хроносом. Нас же при рождении снабжают временем искусственно. И именно в этот момент проявляются наши силы: у собирателей – красные линии, у штурмовиков – зеленые, у целительниц – бирюзовые, а у часовщиков – синие. Несмотря на зависимость от времени, у нас есть жесткие правила. Никогда не собирать столько времени, сколько человек может почувствовать. Никогда не доводить до смерти. Использовать только то количество времени, что тратится людьми впустую. Более справедливого соглашения Хронос с Кайросом и не могли заключить. Но Кайрос все равно нас предал – объединился с людьми, когда они захотели забрать себе все время. Не думая о том, что будущим поколениям оно тоже

понадобится.

– Ситуация ухудшается, – почти выкрикивает Мириам. – Раньше штормы случались раз в месяц. Сейчас – каждую неделю.

Еще год назад никто из нас не осмелился бы сказать такое вслух. Это подрыв доверия к Совету.

– А прошлой ночью... – Зарин смотрит на меня. – Смерти Талии можно было бы избежать.

Профессор откашливается:

– Бывали десятилетия с еще более сильными бурями. Это не повод для паники, – говорит она твердым голосом.

– Когда-нибудь и эта порция времени закончится, – настаивает Фрида. – Мама слышала, что Совет хочет ввести рации времени. Чтобы накапливать время на случай войны.

– Тогда собирателям стоит закатать рукава! – кричит Зарин сквозь шум. – Похоже, среди них есть те, кто не перегружен задачами. – Все понимают, о ком идет речь. – Если мы не спасем Этернити, люди погибнут. Так пусть уж лучше страдают собиратели. С чего это им жить дольше нас?

Типичный эгоист-штормовик. Они живут дольше собирателей, потому что у них есть бонус за военную важность. Собиратели же ограничены возможностями своего собственного тела.

– Командиры знают, что делать. Не забивайте себе этим головы. Просто следуйте декретам – и все будет хорошо, – пытается подытожить профессор, но получается слабо, судя

по шепоткам вокруг.

Она снова поворачивается к карте, но мои мысли уже уносятся прочь. Я стараюсь придумать, как уклониться от ужина. Сидеть за столом с Аттикусом и слушать, чем он занимался последние несколько лет, – это слишком для меня.

– Что с тобой происходит? – шепчет Уиллоу. – Скажи мне. Если боль не утихает, иди к целительницам. Ты белая как стена.

Я тру ладонью грудь. Боль есть, но отнюдь не в руке.

– Аттикус вернулся, – отвечаю я сиплым голосом. Нет смысла скрывать – в любом случае скоро все узнают об этом.

Она ахает и начинает кашлять так сильно, что половина аудитории оборачивается на нее.

– Все нормально! – Уиллоу машет руками, и некоторые сокурсники смеются. – Повтори, – шепчет она, когда класс снова сосредоточивается на профессоре.

– Аттикус вернулся.

Роуэн разворачивается и смотрит на меня сияющими глазами:

– Аттикус Мэверик? Ты его знаешь?

– Не суй свой нос куда не просят, – бурчит Джуна и толкает его локтем.

– Эй! Она знает Аттикуса Мэверика! – восклицает он, глядя на меня. – Ты мне кое-что должна объяснить. – Роуэн улыбается так широко, что у него на щеках появляются ямочки, благодаря которым он стащил трусики с бесчисленного ко-

личества девушек Академии – и разбил не одно сердце.

– Она тебе ничего не должна, – говорит Уиллоу. – Ты ослышался. Она сказала... эм... что Аурелиус... э-э...

Роуэн приподнимает брови:

– У меня отличный слух. Аурелиус? Seriously? Это персонаж из книжек, которые ты читаешь?

Щеки Уиллоу заливаются краской. Она терпеть не может, когда он дразнит ее из-за любовных романов, которые я тайком приношу ей из города. Чтение – это не пустая трата времени. Именно так я убеждаю себя каждый раз, покупая ей очередную книгу. Еще чуть-чуть – и она покажет Роуэну язык.

– Обсудим позже, – довольно говорит Роуэн и поворачивается вперед.

Отлично. Теперь мне не отвертеться от разговора. И почему я не подождала, пока мы с Уиллоу останемся наедине? Она была единственной, кому я открылась и излила свою душу, когда была на грани отчаяния. Она просто слушала меня и держала за руку. В сущности, там даже говорить не о чем.



6



– Надеюсь, тебе по-настоящему больно, Асланидис! – кричит мне в спину девчонка с короткими светлыми волосами, когда мы позже выходим из лекционного зала. Она стоит, прислонившись к стене напротив двери. – Тебе, как всегда, повезло. Талия была лучше тебя. – Зависть буквально сочится из нее. Как и все собиратели, она носит красную форму.

Я улыбаюсь ей, хотя мне хочется выть.

– Ты права, Леда. Она была лучше меня. Но и тебя тоже. Постарайся чуть больше – может быть, поднимешься с самого дна списка. Зависть тебе не к лицу.

Она и правда закончит учебу без особых достижений. А если еще точнее, то она неудачница. Ее не пригласят ни в одну башню и вместо этого распределят туда, где просто не хватит кадров. Скорее всего, в Томой – в задницу мира, если хотите. Это остров, расположенный в самом центре океана, куда никто добровольно не отправляется. Конечно, мне не стоит опускаться до ее уровня, но я слишком вымотана. А еще эта боль в руке, которая только усиливается. Тело борется за восстановление, но времени ему не хватает. Слишком много дел оно выполняет одновременно.

Леда отталкивается от стены и медленно подходит ко мне. Выходящие из зала рекруты наблюдают за нами.

– Ты не заслужила место среди штормовиков, – шипит она. – И если ты его получишь, то только потому, что папочка не сможет тебе отказать.

– Леда, это уже попросту жалко, – вздыхает у меня за спиной Роуэн.

Да, жалко, но она в чем-то права. Если соглашусь тренироваться у Аттикуса, об этом моментально узнают все.

Леда прищуривается, сверля Роуэна гневным взглядом. Когда-то давно, еще на первом курсе, они встречались. Пока он не понял, с какой змеей связался. Возможно, мы с Джуной немного ускорили этот процесс, и с тех пор она нас ненавидит. Иногда мне кажется, что ей тоже разбили сердце, но горевала она недолго – быстро нашла утешение. В течение следующего года у нее было несколько романов, а сейчас она состоит в крепких отношениях с Зарином. И, к слову о дьяволе, он появляется перед нами, как по заказу. Обнимает ее за плечи, целует в висок и смотрит на меня с такой ненавистью, будто я отобрала у него все. Если нас распределят в одну тренировочную группу, он превратит мою жизнь в ад.

– Хочешь кофе? – спрашивает он у Леды.

– Я хочу тебя, – мурлычет она в ответ.

Когда Леда запускает язык в глотку Зарина, Джуна, стоящая рядом со мной, издает звук рвотного позыва.

– Запритесь в шкафу, – говорит она громко. – Не заставляйте других смотреть, как вы пожираете друг друга. – Она берет меня под руку, и мы, смеясь, уходим прочь. Уиллоу и Роуэн замыкают наше маленькое шествие.

Позже мы вместе сидим за круглым столом в столовой. Я потягиваю горячий лимонный напиток с медом и миндаль-

ным печеньем. Впервые за день я расслабляюсь. Через полчаса мне нужно идти на сбор времени.

– Ну, так что там с Аттикусом Мэвериком? – Роуэн при-
двигается ближе ко мне. – Что значит «он вернулся»? В Бакте у него столько перспектив! Что ему тут нужно?

– Эй! – возмущается Джуна. – Бакта переоценена. Там ничем не лучше, чем у нас.

– Серьезно? Ты же знаешь, что в Бакте преимуществ больше, чем в Акинфосе. Электричество стабильное, акведуки работают. А ты куда собираешься после выпуска? Ты явно здесь не останешься.

Джуна показывает ему средний палец. Она мечтает вернуться домой. Она родилась в Нариссосе и до начала учебы не покидала родной башни. Хотя Джуна всегда держится как камень, по ней видно, как она скучает по своим трем сестрам и пятерым братьям, которые до сих пор там живут вместе с родителями.

– Ну так? – Роуэн нетерпеливо барабанит пальцами по столу.

– Не дави на нее, – вмешивается Уиллоу.

Конечно, я могла бы сейчас сослаться на то, что мне нужно за лекарством к целителям, но тогда он подкараулит меня позже.

– Эйвери. – Голос Роуэна звучит более настойчиво. – Почему ты никогда не говорила, что знакома с Аттикусом Мэвериком? Этот парень – легенда. Ты разве не слышала, что

пять месяцев назад он в одиночку восстановил десять лент времени за одну ночь и спас жизнь девушке из своей когорты? Он, безумец, перерезал ленту, которая уже затягивалась вокруг нее, а потом доставил ее в Бакту, где целители дали ей достаточно времени, чтобы она выжила. Такого раньше никто не делал.

Скорее, до него никто не был настолько безрассуден.

Конечно, я слышала об этом. Но меня больше терзает вопрос, кем для него была эта девушка. Ведь ради нее он пошел на такой риск. Мне же и строчки из Бакты не написал. Меня раздражает то, что он до сих пор имеет такое влияние на мои эмоции.

– Вопрос, скорее, в том, кто про это не слышал, – фыркает Джуна.

– Когда Аттикус учился здесь, – быстро говорю я, пока Роуэн не вспомнил еще десяток его подвигов, о которых я не желаю слышать, – мы пару раз пересекались. – Это даже не ложь. – Наши отцы дружили, а теперь он вернулся, чтобы помогать Ноксу тренировать штормовиков. – Я делаю глоток лимонного напитка. – Нокс передал ему подготовку. Аттикус сам настоял, чтобы я вошла в его группу. Видимо, вспомнил, насколько это важно для меня. Отец сказал мне об этом сегодня утром. – Я ставлю чашку на стол.

После моих слов Уиллоу замирает, Джуна расплывается в усмешке, а Роуэн хмурится. Его каштановая прядь падает на лоб, когда он наклоняется вперед.

– Почему не радуешься? Ты же наконец добила своего. И должна танцевать на столе. Что-то ты явно недоговариваешь.

– Мне не до танцев, – отвечаю я, поглядывая на плечо.

– Значит, намерстаем. – Он вдруг хватает меня за здоровую руку и поднимает ее. – Позвольте представить! – кричит он сквозь гул разговоров. – В штормовом корпусе пополнение, победительница, Покорительница небес и...

– Прекрати. – Я выдергиваю руку. Но бежать мне некуда. С ужасом осознаю, что все вокруг смотрят на меня. В каждом взгляде горит вопрос: как?

Роуэн целует меня в лоб и осторожно обнимает, стараясь не задеть травмированное плечо, пока все присутствующие в столовой хлопают в ладоши, топают ногами и свистят. Я отмахиваюсь рукой, пряча смущение за улыбкой.

– Ты докажешь всем, что не обязательно рождаться штормовиком, – шепчет он мне на ухо. – Но лучше, чтобы никто этого не слышал, а то это богохульство.

– Теперь вернемся к Мэвериду, – говорит Роуэн вслух, когда шум стихает. – Он всегда был таким красавчиком? Видели статью о нем в последнем вестнике? Все девушки с ума сойдут.

– Боишься, что тебе теперь ничего не светит? – язвит Уиллоу.

Он щелкает ее по носу:

– Даже если так, ты навсегда останешься моей поклонни-

цей.

– Мечтай, – отмахивается она.

Роуэн скрещивает руки на груди и переводит взгляд на меня:

– Ну и?..

Я снова тянусь к чашке и делаю еще глоток, пытаюсь выиграть время.

– Да, он и тогда был красавчиком. Но какая разница? Он должен сделать из нас штормовиков, а не давать советы по уходу за собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.